

А. Б. Изотов
*Карельский институт,
Университет Йёэнсуу, Финляндия*

Повседневная жизнь пограничного города: послевоенная Сортавала*

На протяжении веков регион Северного Приладожья был ареной столкновения геополитических интересов. На этой территории происходил этногенез карельского народа. Примерно в XIII–XIV вв. новгородцы основали здесь погост, а позднее она была в сфере влияния то Шведской, то Российской империи. На короткий срок после 1917 г. город получил динамичное развитие как территория независимого Финляндского государства. Один из самых драматических периодов в истории Сортавалы начинается во время Зимней войны 1939 г. Он длился почти до конца Второй мировой войны, и на его протяжении финское население дважды полностью покидало регион и уходило в Финляндию. В конце концов территория отошла к Советскому Союзу, и с 1944 г. она планомерно заселялась мигрантами из внутренних районов страны и бывших советских республик. Для их потомков Сортавала стала родиной. В послевоенный период сортавальский район становится закрытой пограничной зоной. С конца 1980-х граница открывается сначала для иностранных туристов, а позднее и для российских граждан. В данной статье предпринята попытка рассмотрения повседневной истории города в послевоенный период.

1. Особенности формирования местной идентичности

Сортавала, как и в целом Северное Приладожье, на изучаемом историческом этапе представляла собой типичный периферийный пограничный район. В то же время город являлся уникальным для Советской Карелии и в определенной степени для всей страны местом. Несмотря на разрушения в ходе войны, городская среда во многом сохранила облик

* Статья подготовлена при поддержке Академии наук Финляндии в рамках проекта «Роль трансграничного взаимодействия в переустройстве северо-запада России как экономического, социального и политического пространства» («Reconstitution of North-West Russia as an economic, social and political space: The role of cross-border interaction»).

динамично развивающегося финского города 1930-х гг. В сочетании с редкой по красоте природой архитектура, созданная выдающимися финскими зодчими, не могла не оказать воздействия на характер восприятия первым поколением мигрантов окружающей среды. Вместе с тем, поскольку многими современными учеными идентичность понимается как результат социальной деятельности, формирование местной идентичности нами рассматривается как результат политики. Безусловно, в советский период местная политическая элита транслировала задачи общенациональных идентификационных проектов. Однако не менее важно выявить специфику их артикуляции на местном уровне, а также особенности локальных факторов конструирования идентичности.

Понимание советской идентичности в целом важно в процессе концептуализации её локальных вариантов. В то же время внутри советского дискурса мы видим существенные различия, связанные с историческими периодами, такими как тоталитарный режим Сталина, либерализация советской системы при Хрущеве, брежневская стагнация. Впрочем, как на повседневной жизни, так и на основных составляющих элементах дискурса о границе это практически не отразилось. Менялась лишь степень открытости информации. Если в 1940–1950-е гг. местная сортавальская газета вовсе не обнаруживала того, что она издается на приграничной территории, то в период с конца 1950-х и до середины 1980-х гг. «Красное Знамя» в той или иной степени отражает факт существования государственной границы и ее влияния на местную жизнь.

Некоторые существенные характеристики советского дискурса проанализированы Олегом Хархординим¹. В частности, он подчеркивает традиционное для России в целом подчиненное положение личности по отношению к государству и коллективу. Анализируя особенности этих отношений в советский период, исследователь отмечает различные формы контроля политической элиты над массами. Теоретические подходы к пониманию коллектива в советской социологии, указывает автор, обязательно предполагали включенность любой группы людей в более широкие социальные связи. Коллективы были призваны служить интересам общества, артикулированным свыше². Совпадение интересов социалистического коллектива и общества обосновывалось наличием общественной собственности. В рамках такого подхода участие самих рядовых граждан на общественных началах в выполнении некоторых функций государства считалось естественным.

Так, в хрущевский период предполагалось, что постепенно общественные организации, такие как добровольные народные дружины (ДНД), заменят собой государственные³. На деятельности ДНД в условиях закрытой приграничной зоны мы остановимся в этой статье далее.

Другой исследователь, Сергей Медведев, интерпретирует советский дискурс как феномен, базирующийся на власти символов⁴. Его постмодернистский подход особенно полезен при оценке роли границы в советской официальной риторике, потому что символика защиты рубежей – одна из самых выразительных. В советском политическом дискурсе, отражавшемся в массмедийной пропаганде, искусстве и общественном сознании, государственная граница приобретает сакральное значение. Это была граница социалистического Отечества, противостоящего капитализму. Граница защищала «священные рубежи Родины»⁵.

Как официальная, так и неформальная культура СССР отражала эту символическую роль государственной границы. Так, в популярной песне «Катюша» любовь молодых людей друг к другу освящается святостью любви к Родине («пусть он землю бережет родную, а любовь Катюша сбережет» – М. Исаковский, 1938). Сходные мотивы можно найти в стихотворении «Письмо» финноязычного поэта из Сортавалы Илмари Сааринена⁶. На это же обращает внимание Ирина Сандомарская, проанализировавшая маскулинность советского военного дискурса о Родине. Она ссылается на слова солдатских песен более позднего периода, в которых воина в родном краю обычно ждет «далекая любимая», что «для солдата главное». Автор отмечает обязательную моральную выдержанность героя подобных текстов, которая объясняется осознанием ответственности защиты священных границ Родины, интересы которой выше личных душевных порывов и узких семейных интересов⁷. Как отмечает Гасан Гуссейнов, концепция границы основана на некоем взаимоуравновешивании чувства защищенности и страха⁸.

Официальная риторика, фразеология, лозунги и т. д. сформировали «новояз». Так некоторые ученые назвали советский официальный язык, следуя термину Джорджа Оруэлла *new speak*⁹. Эта традиция породила такие устойчивые идиоматические выражения, как «нерушимые границы». Некоторые клише из официального языка перешли в повседневную речь, а другие иронически обыгрывались в произведениях альтернативной культуры, особенно в песнях. Например, Булат Окуджава использовал идеологическое клише «граница на замке» в одной из своих песен¹⁰.

2. На страже завоеваний

В отличие от жителя Москвы, персонажа песни Булата Окуджавы, который в авторском воображении «ходит вдоль границы на замке», жители Сортавалы практически не имели шансов это делать. Сортавальский район был закрытым как в прямом, так и в переносном смысле.

В советский период были установлены тесные связи пограничного отряда и общеобразовательных школ. Офицеры-пограничники часто выступали в классах перед школьниками, информируя их о задачах жителей приграничного района по защите границы. Обращалось внимание на то, как учащиеся могут помогать в этом деле пограничникам. Уже в 1946–1947 гг. пограничники стали осуществлять шефство над школами¹¹.

Одновременно коллективы местных предприятий и организаций привлекались к помощи погранвойскам. Роль ДНД в общегосударственном масштабе проанализирована в уже упоминавшемся исследовании Олега Хархордина¹². В пограничном районе они выполняли дополнительную работу по охране границы. Особенно важное значение эта функция ДНД приобретала в прилегающих к границе районах. Так, в отчете дружины г. Питкяранты за 1963 г. говорилось о том, что при содействии милиции дружинники стали обращать внимание на соблюдение паспортно-пограничного режима и охрану государственной границы. Отмечалось, что группой дружинников с завода «Питкяранта» задержано и доставлено в органы милиции 36 нарушителей паспортно-пограничного режима. За активное участие в мероприятиях по охране границы и поддержанию общественного порядка в июне 1963 г. исполком горсовета наградил 7 дружинников почетной грамотой¹³. ДНД поселка Ляскеля, состоявшая из 105 человек, организовала дежурство по проверке документов пассажиров автобусов и поездов¹⁴.

В новых условиях либерализации режима при Хрущеве в конце 1950 – начале 1960-х гг. в советском официальном дискурсе появилась новая риторика. В частности, при артикуляции задач воспитания масс упор делался на изучение и претворение в жизнь «морального кодекса строителя коммунизма». Политическая элита провозгласила в качестве основной задачи «воспитание человека коммунистического общества». Примерно в этот период в официальных речах и материалах газеты появляется термин «пограничный город». Вот одно из характерных обращений той поры: «Товарищи депутаты! Наш пограничный город борется за звание города высокой производительности труда, образцового порядка и бытовой культуры» (1964)¹⁶.

В 1960 г. письма местных жителей, отражающие их мнение о принятых правительством шагах по сокращению вооруженных сил в Советской армии, были опубликованы в газете «Красное Знамя». Так, один из работников металлургического завода в Вяртсиля в своем письме выразил уверенность, что «наши границы после этих шагов будут защищены»¹⁶.

Новые изменения в советском дискурсе произошли в брежневский период. После попыток либерализации режима наступила эра застоя, которая характеризовалась нежеланием власти менять сложившуюся систему. Тем не менее в 1970-е гг. осуществлялся ряд крупных социально-экономических проектов, таких как строительство БАМа, сопровождавшихся пропагандистской идеологической кампанией. В начале десятилетия было принято специальное решение правительства Российской Федерации по развитию районов, прилегающих к российско-финляндской границе. Совет министров РСФСР принял резолюцию, направленную на развитие территорий Карелии и Ленинградской области, принадлежавших прежде Финляндии. Эта резолюция последовала за такой же резолюцией, принятой Советом министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию и благоустройству населенных пунктов пограничных районов Карельской АССР». Этот документ предусматривал широкие социально-экономические меры по «дальнейшему развитию пограничной территории». Одновременно с развитием местной промышленности предусматривалось строительство и реконструкция учреждений культуры.

Однако претворение этой программы в жизнь столкнулось с трудностями. На заседании исполкома отмечалось: «Согласно резолюции по развитию региона Северного Приладожья, благоустройство этой территории должно быть осуществлено к 1980 году. Фактически мы отстаем. Наши строительные организации не имеют достаточных мощностей для выполнения этих задач. Нам выделены бюджетные средства для этих целей, однако недостаток рабочей силы не позволяет нам осуществить принятые планы»¹⁷.

3. Освоение территории

Как уже указывалось в начале статьи, с 1944 г. начинается заселение окончательно отошедшей к СССР в 1944 г. территории Северного Приладожья мигрантами из других регионов Советского Союза¹⁸. Особенно много было выходцев из Белоруссии. Нередко солдаты, проходившие срочную службу в этом районе, обзаводились семьями и оставались здесь жить.

Многие из этих людей были горожанами первого поколения, выросшими в глухих деревнях, им приходилось осваивать городскую культуру. Среди пожилых людей часто встречались малограмотные, многие имели лишь начальное образование. Надежда Мандельштам видит в проводившемся принципе депортации сознательное подрубание корней и уничтожение внутренних социальных связей. Практика непрерывной вербовки на работу за тридевять земель, по ее мнению,

ускоряла процесс распада и потери личности¹⁹. Судьбы многих переселенцев представляют собой пример распада старой, традиционной культуры и формирование новой – советской.

Те из мигрантов, кто поселился на бывших финских хуторах, не имели навыка и материальных возможностей поддержания домов и хозяйства в первоначальном виде. Этому препятствовала и советская система сельского хозяйства. В наследство району от бывших хозяев достались сотни небольших садов. Они оказались на землях совхозов и колхозов, но за ними никто не ухаживал. Кроме того, на конец 1956 г. в районе насчитывалось около 40 га крупных, занимающих площадь до одного гектара садов и ягодников. По подсчетам специалистов с них ежегодно можно было бы собирать не менее 700–800 тонн яблок, ягод смородины, крыжовника и т. д.²⁰ Сегодня от этого процветавшего некогда хозяйства почти ничего не осталось.

Но, оказывается, подобная заброшенность садоводства и хуторского хозяйства в целом обосновывалась идеологическими установками. Вот как об этом пишет в своих дневниках знаменитая советская писательница Мариэтта Шагинян, побывавшая здесь в 1948 г.: *«...все так же ходят и делают свое дело люди во дворике одинокого коттеджа, промелькнувшего перед вами на опушке леса... Как одиноко тут жить! Кто тут живет? Оказывается, живут тут наши колхозники, волей-неволей используя жилой фонд прежних мелких хозяйчиков, селившихся на расстоянии нескольких километров друг от друга. Очередная задача республики – и задача огромной важности – свезти эти одинокие дома в наши обычные деревни. Колхозники, расселенные так далеко друг от друга, очень страдают от этих просторов... Наши советские крестьяне привыкли к общественному быту, необходимому для личного быта...»²¹.*

Мест, подобных Сортавале, в бывшем СССР было не так много. Кроме Калининграда, это города бывших Прибалтийских республик, на Украине – Львов. Но в некоторых из них местное население продолжало сохранять культурные традиции и историческую память. Сортавала, Выборг и другие населенные пункты, принадлежавшие Финляндии и отошедшие к СССР, уникальны тем, что бывшее население покинуло их в одночасье. С уходом прежних жителей прервалась память, связывающая место с его обитателем. Мигранты не имели корней в этой земле. Зачастую сам Север с его холодом был чужд этим выходцам из более южных регионов. Люди ощущали себя непрошеными гостями. Для них это было «чужое место». Горный ландшафт вызывал психологическое отторжение и даже страх²².

Еще одной особенностью процесса адаптации советских жителей на бывших финских землях было то, что разрушения, связанные с боевыми

действиями, были минимальными. Жилые и хозяйственные постройки, административные сооружения остались в полной сохранности. Однако мигранты часто не знали, как обращаться с доставшейся им инфраструктурой. Она отвечала тогдашним требованиям европейских стандартов, но совсем не вписывалась в привычный уклад жизни переселенцев. Совершенно чуждой была хуторская система расселения. В результате происходило переструктурирование пространства жизнедеятельности: снижалась гомогенность культурного ландшафта, люди постепенно концентрировались в основных населенных пунктах²³.

4. Военный городок

Хотя все населенные пункты, озера, реки и другие природно-географические объекты сохранили свои финские названия, советские мигранты переименовали почти все улицы. Они получили традиционные для СССР имена – Ленина, Кирова, Пушкина и т. д. Наряду с этим некоторые районы получили такие новые названия, как Гидрогородок или Авиагородок. Еще один живописный уголок города стали называть Военным городком. Это русское название одного из городских районов, который финны называют Sortavalan Puikkola, можно было бы распространить на всю Сортавалу. В пограничном городе людей в военной форме можно было встретить повсюду. Кроме пограничных войск, в городе располагалась бригада дивизии. Это дислоцировавшееся в Сортавале войсковое соединение покинуло район в феврале 2001 г.²⁴

В этом «закрытом» городе были свои «закрытые» зоны: территории, на которых располагались воинские части. В здании, похожем на старинный замок, возле Кухавуори находился военный госпиталь (в финское время – городская больница), территория которого тоже была обнесена забором. На территории города находилось стрельбище и собачий питомник. В той же стороне чуть дальше располагался так называемый Гидрогородок, тоже находившийся в ведении армии. Там, в частности, в послевоенные годы дислоцировалось военно-морское училище. Возвращаясь на пассажирском поезде из дальних поездок, горожане торопились к узкому выходу с вокзала в город, где их встречали пограничники с автоматами, проверявшие паспорта. Впрочем, проверка документов начиналась еще по ходу поезда, при подъезде к Сортавале. Сам вокзал был оцеплен вооруженными солдатами с собаками. Попасть в город людям, не проживавшим в нем, можно было лишь по специальным разрешениям. У сортавальцев же в паспортах были соответствующие отметки.

В школах города создавались отряды юных друзей пограничников. Военно-патриотическим воспитанием занимался также клуб юных моряков учебного судна «Пограничник Кайманов». Члены клуба совершали на катере походы по местам боевой славы²⁵. На смену детским играм в войну приходили организованные сверху общесоюзные военно-спортивные игры «Зарница». Обязательным предметом в школе была военная подготовка и гражданская оборона. Некоторые средства массовой информации на Западе сейчас преувеличивают значение этих уроков, утверждая, что занятия военным делом были чуть ли не главным школьным предметом. Это, безусловно, сильное преувеличение. Нередко вместо проведения уроков в школе организовывались экскурсии в воинские части, где школьникам показывали военную технику, знакомили с армейскими буднями.

Спортивная жизнь в советскую эпоху тоже рассматривалась под углом зрения военной подготовки. Ежегодно проводились общегородские соревнования – марафоны, эстафеты и т. д. Работники предприятий сдавали так называемые нормы ГТО (Готов к труду и обороне). Однако ДОСААФ (Добровольное Общество Содействия Армии, Aviации и Флоту), основанное в 1927 г., до сих пор, уже под другим названием, продолжает свою деятельность. Это общество, в частности, подготавливало молодежь к некоторым видам военно-технических специальностей²⁶. Добровольным ДОСААФ было чисто номинально, все граждане поголовно начиная со школьных лет были его членами и платили членские взносы, которые, правда, были тоже символическими.

5. Трансграничное взаимодействие

В 1990-е гг. по сравнению с предыдущими десятилетиями дискурс о границе претерпел существенные изменения. Из «железного занавеса» государственная граница превратилась в «зону взаимодействия». Для жителей Карелии общая граница с Европейским Союзом является важным фактором социально-экономического развития республики.

После либерализации пограничного режима в начале 1990-х гг. началось трансграничное взаимодействие. Оно проходило в разных сферах и на разных уровнях. Это было экономическое сотрудничество предприятий и организаций, повседневные неформальные контакты частных лиц, институциональное взаимодействие муниципальных органов и местных администраций, неофициальные контакты.

Объем статей о жизни на границе и в приграничном районе становится несопоставимым по сравнению с советским периодом. Так, за период с 1998 по 2002 г. в газете «Ладога»²⁷ нами было обнаружено около 60 публикаций,

посвященных деятельности вяртсильской таможни, и более 30 статей, затрагивающих вопросы пограничного режима. Средства массовой информации публикуют статистические данные о работе таможни, освещают проблемы, с которыми сталкивается эта служба, а также отражают различные правонарушения, допускаемые гражданами при пересечении границы. «Ладога» публикует материалы, в которых выражается озабоченность и разные точки зрения местного сообщества на приграничное сотрудничество в области лесозаготовки. Особенно много противоречивых статей появляется о предприятии «Ладэнсо», действующем в Северном Приладожье²⁸.

В газетных публикациях также высказываются мнения жителей Сортавалы о значении приграничного сотрудничества для социально-культурной сферы города. Известно, что 1990-е гг. были тяжелыми для многих рядовых граждан страны: в значительной степени снизилась социальная защищенность, месяцами не выплачивалась зарплата, появилась безработица, ухудшилась криминальная ситуация. В этих условиях предприятия района, работавшие по заказам Финляндии и других Скандинавских стран, оказались способными выстоять и обеспечить определенные социальные гарантии своим работникам. Так, директор Вяртсильского металлургического завода Виктор Камелин подчеркивал, что «только благодаря зарубежным заказчикам мы до сих пор не задерживаем зарплату своим работникам»²⁹.

Вместе с тем социальный эффект от сотрудничества мог бы быть более существенным, если бы не бюрократические препоны. Так, по мнению директора швейного предприятия «Вега Плюс» Сергея Львова, производство продукции по зарубежным заказам могло бы быть расширено на окружающие Сортавалу поселки. В частности, открытие филиала «Веги» в Кааламо могло бы существенно снизить имеющуюся там женскую безработицу. Однако, отметил Львов, реализация этих планов по привлечению финских партнеров к инвестированию проекта сталкивается с препятствиями по вине таможни³⁰.

Большие трудности в первые постсоветские годы переживало здравоохранение. Многие авторы газетных статей выражали благодарность финским организациям и частным лицам за помощь в медицинском обслуживании. Значительная часть этих публикаций приходится на середину 1990-х гг. Особенно отмечалась поддержка, оказываемая соседней коммуной Раякюля. Врач Тапио Хямяляйнен оказывал активную помощь городской больнице, Центру социальной помощи и школе-интернату. В 1995 г. группа финских семей инициировала отдых интернатских детей в Финляндии. В 1994 и 1995 гг. 80 учащихся провели каникулы в этих семьях. Семьи из приграничных районов соседней страны привозили в интернат игрушки, детскую одежду и различное оборудование. В условиях недостаточного

финансирования это значительно облегчало ситуацию в детском учреждении и вызывало благодарность его сотрудников³¹.

Кроме интенсивных связей по линии гуманитарной помощи как учреждениям, так и гражданам Сортавалы, газетный материал отражает активное сотрудничество в решении проблем различных слоев населения (молодежи, женщин и др.) в рамках международных проектов. Интенсивно в этот период организуются совместные спортивные состязания, различные контакты в культурной сфере. Определенное развитие получили также научные связи. Проводились совместные исследования экологического состояния Ладоги. В 1990-е гг. местная газета информирует читателей о поисковой работе, которая позволила обнаружить и перезахоронить воинов, погибших во время Второй мировой войны на территории Северного Приладожья. Эта работа проводилась совместно с финнами и свидетельствовала об обоюдном желании восстановить историческую правду о том тяжелом времени и воздать воинские почести павшим солдатам с обеих сторон. Наконец, в эти годы налаживаются связи профессионалов в самых разных областях – таможенников, пожарников, представителей правоохранительных органов и т. д. В большинстве случаев авторы публикаций позитивно оценивают эти тенденции и видят в них фактор, позволяющий решить многие проблемы приграничного региона.

6. Газетная риторика в новых условиях

В последние годы наметился определенный возврат к патриотической риторике. В контексте местного дискурса о границе в сортавальской прессе эти тенденции тоже находят свое выражение. Наряду с большей по сравнению с эпохой «железного занавеса» открытостью информации, как в артикуляцию вопросов пограничной жизни, так и в повседневную жизнь начинают возвращаться советские традиции. Поднимается вопрос о возрождении шедских связей пограничников с населением и предприятиями, усиливается риторика, направленная на повышение престижа пограничников и пропаганду службы в пограничных войсках. Опыт предыдущего десятилетия позволяет делать определенные выводы о результатах и последствиях приграничного сотрудничества. Этот анализ уже не характеризуется взглядом через «розовые очки». Так, в комментариях представителей «силовых ведомств» часто звучит озабоченность ситуацией, вызванной чрезмерной открытостью приграничной территории. Представители местных органов ФСБ, в частности, склонны видеть в усилении трансграничного взаимодействия и контактов с финскими соседями расширение возможности действия на территории Северного Приладожья секретных служб третьих стран. По их мнению, значи-

тельное увеличение числа зарубежных туристов осложняет работу российских спецслужб в регионе³².

В лексику местной прессы возвращаются устойчивые идиоматические выражения советского дискурса о границе, о котором мы уже упоминали. Вот одна из характерных цитат, взятая нами из статьи журналиста Николая Максимова «Замок для границы»: «Меняется солдатская форма, армия становится другой, меняются шевроны на рукавах и боевая техника, изменилось название страны с СССР на Российскую Федерацию, и сами пограничные войска уже мало напоминают самих себя в 20-х и 40-х, но неизменной остается аксиома о нерушимости границ и необходимости их надежно охранять»³³.

Наряду с воспроизведением советского дискурса о границе появляются новые образы и стереотипы границы в общественном сознании, связанные с ее большей открытостью. Если во времена «железного занавеса» граница отождествлялась исключительно с государственной границей, то теперь создаются условия для более расширительного толкования. Это влияет на самоидентификацию местного сообщества. Наряду с лучшим знанием жизни заграничных соседей, взаимным обменом опыта, приходит осознание жителями приграничного Северного Приладожья того, что от них зависит повседневная жизнь на этой территории. Газета «Ладоба» освещала целый ряд случаев, когда жители региона отстаивали свои интересы – в сфере бизнеса, защиты окружающей среды, культуры и т. д. Это свидетельствует о гораздо более интенсивном процессе формирования местной идентичности по сравнению с советским периодом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Kharkhordin O. *The Collective and the Individual in Russia: A Study of Practices*. Berkeley: University of California Press, 1999.

² *Ibid.* P. 88–89.

³ Эта и некоторые подобные формы работы добровольных общественных организаций, считавшиеся изжитым наследием советских времен в 1990-е гг., вновь реанимируются уже в рамках иной идеологической концепции в современной России.

⁴ Медведев С. СССР: деконструкция текста (К 77-летию советского дискурса) // *Иное. Хрестоматия нового российского самосознания* / Ред.-сост. С. Б. Бобышов. М.: Аргус, 1996; <http://www.russ.ru/antolog/inoe/medved.htm> (1994).

⁵ Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика / Ред. В. А. Колосов. М., 2003.

⁶ Красное знамя. 1960. 8 марта.

⁷ Сандомирская И. Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик // *Wiener Slawistischer Almanach*. Wien, 2001.

⁸ Gusseinov G. Our Motherland's or "the Border is under Lock and Key": Metamorphoses of an Ideologem // Кочующие границы. Сб. ст. по материалам международного семинара (Нарва, 13–15.11.1998) / Ред. О. Бредникова и В. Воронков. СПб., 1999.

⁹ Земская Е. А. Новояз, new speak, nowomowa... Что дальше? // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.

¹⁰ Бойко С. «Новояз» в поэзии Булата Окуджавы и Владимира Высоцкого // Веб-сайт www.visotsky.ru.

¹¹ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. 2203, оп. 1, д. 2/57, л. 7.

¹² Kharakhordin O. Op. cit. P. 285–286.

¹³ НА РК, ф. 2203, оп. 1, д. 38/935, л. 71.

¹⁴ Там же, л. 29.

¹⁵ НА РК, ф. 2203, оп. 1, д. 44/1005, л. 48.

¹⁶ Красное Знамя. 1960. 19 января.

¹⁷ НА РК, ф. 2203, оп. 1, д. 78/1347, л. 37.

¹⁸ История Карелии в документах и материалах. Петрозаводск: Карелия, 1992. С. 292–293; Antti Laine. Where East meets West: The last stand of Finns and Karelians in contemporary Karelia? // Nationalities Papers. 2001. Vol. 29. No. 1. P. 56–57.

¹⁹ Мандельштам Н. Вторая книга. М., 2001. С. 253.

²⁰ Красное знамя. 1957. 27 августа.

²¹ Шагинян М. Карело-финский дневник. Северный берег Ладоги. Петрозаводск, июнь 1948 // heninen.net/pitkaranta/1948/

²² Граница и люди. Воспоминания советских переселенцев Приладожской Карелии и Карельского перешейка // *Studia Ethnologica*. Вып. 2. СПб., 2005.

²³ Недавно изданный сборник воспоминаний «Граница и люди» – результат совместного российско-финляндского проекта – содержит ценные устные свидетельства переселенцев г. Лахденпохья (территория сортавальского района) 1940–1950-х гг. Это важная информация, характеризующая само переселенческое сообщество и отношение его к новому месту жительства, финнам, их культуре. Аналитические статьи, посвященные интерпретации этих материалов, изданы в сборнике “Moving in the USSR” (Moving in the USSR: Western anomalies and Northern wilderness / Ed. P. Hakamies. Helsinki: Finnish Literature Society, 2005).

²⁴ Ладога. 2001. 2 марта.

²⁵ Красное знамя. 1979. 18 августа.

²⁶ Красное знамя. 1957. 25 января.

²⁷ В 1990-е гг. прежнее название газеты «Красное знамя» было изменено и стало созвучно довоенному финскому изданию «Laatokka».

²⁸ Ср.: Ладога. 2000. 22 сентября и Ладога. 2000, 10 ноября.

²⁹ Ладога. 1995. 29 марта.

³⁰ Ладога. 2002. 7 июня.

³¹ Ладога. 1995. 23 августа.

³² Ладога. 2000. 5 мая.

³³ Ладога. 2005. 27 мая.